

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Путешествіе на Лобъ-норъ.

Вще въ то время, когда писалась „Монголія и страна тангутовъ“, Н. М. Пржевальскій мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. „Я не намѣренъ успокоиться, сообщалъ онъ М. П. Степанову, и въ концѣ будущаго 1875 года, лишь только окончу второй томъ своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ, на этотъ разъ изъ Туркестана. Средства теперь, вѣроятно, дадутъ большія, такъ что я возьму еще человѣкъ семь—восемь казаковъ, которыхъ вооружу берданками“.

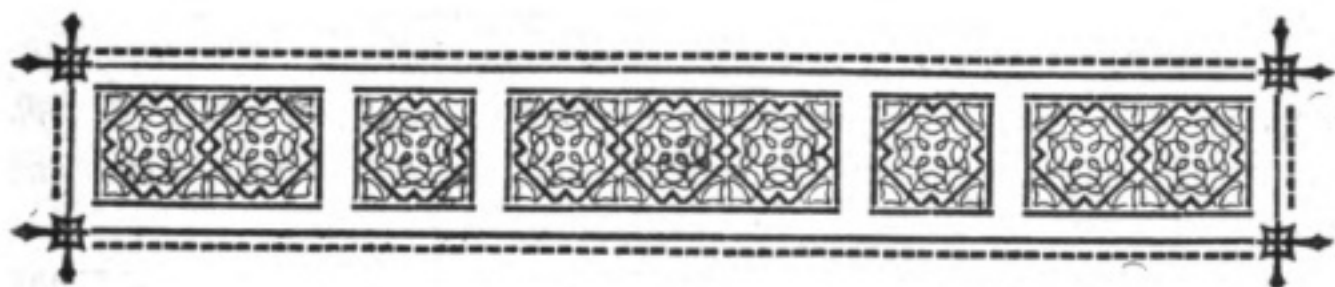
Такъ какъ спутникъ его первой экспедиціи, М. А. Пыльцовъ, женился¹⁾ и намѣренъ былъ выдти въ отставку, то Николай Михайловичъ предназначалъ себѣ товарищемъ Николая Яковлевича Ягунова, бывшаго съ нимъ въ Уссурійскомъ краѣ, затѣмъ блестяще окончившаго Варшавское юнкерское училище и вышедшаго офицеромъ въ Австрійскій полкъ.

Зная способность Ягунова къ рисованію и считая не лишнимъ имѣть въ числѣ членовъ экспедиціи художника, Николай Михайловичъ просилъ его особенно заняться этимъ и всѣми средствами по-

---

¹⁾ На сводной сестрѣ Николая Михайловича, Александрѣ Ивановнѣ Толыго, отъ второго брака его матери.

— Это чисто какъ въ романѣ, говорилъ Пржевальскій: ѣздили вмѣстѣ въ далекія страны, а затѣмъ, по возвращеніи, одинъ изъ путешественниковъ женился на сестрѣ товарища. Не прибавить ли это въ подробномъ разсказѣ къ описанію моего путешествія?

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Путешествіе на Лобъ-норъ.

Вще въ то время, когда писалась „Монголія и страна тангутовъ“, Н. М. Пржевальскій мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. „Я не намѣренъ успокоиться, сообщалъ онъ М. П. Степанову, и въ концѣ будущаго 1875 года, лишь только окончу второй томъ своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ, на этотъ разъ изъ Туркестана. Средства теперь, вѣроятно, дадутъ большія, такъ что я возьму еще человѣкъ семь—восемь казаковъ, которыхъ вооружу берданками“.

Такъ какъ спутникъ его первой экспедиціи, М. А. Пыльцовъ, женился¹⁾ и намѣренъ былъ выдти въ отставку, то Николай Михайловичъ предназначалъ себѣ товарищемъ Николая Яковлевича Ягунова, бывшаго съ нимъ въ Уссурійскомъ краѣ, затѣмъ блестяще окончившаго Варшавское юнкерское училище и вышедшаго офицеромъ въ Австрійскій полкъ.

Зная способность Ягунова къ рисованію и считая не лишнимъ имѣть въ числѣ членовъ экспедиціи художника, Николай Михайловичъ просилъ его особенно заняться этимъ и всѣми средствами по-

---

¹⁾ На сводной сестрѣ Николая Михайловича, Александрѣ Ивановнѣ Толныго, отъ второго брака его матери.

— Это чисто какъ въ романѣ, говорилъ Пржевальскій: ѣздили вмѣстѣ въ далекія страны, а затѣмъ, по возвращеніи, одинъ изъ путешественниковъ женился на сестрѣ товарища. Не прибавить ли это въ подробномъ разсказѣ къ описанію моего путешествія?

ощрялъ его талантъ. Всецѣло преданный Пржевальскому и съ восторгомъ мечтавшій о предстоявшей экспедиціи, Ягуновъ усиленно трудился и оказывалъ большіе успѣхи въ рисованіи.

Задумывая экспедицію въ болѣе широкихъ размѣрахъ, Николай Михайловичъ писалъ своему другу, І. Л. Фатѣеву, прося его приискать кого-нибудь изъ юнкеровъ старшаго класса Варшавскаго училища. „Такого юношу произведутъ нынче въ офицеры, говорилъ Пржевальскій, и я могу устроить такъ, что его командируютъ со мною на службу, такъ же какъ и Ягунова. Необходимо, чтобы новый товарищъ былъ хорошииъ человѣкъ, охотникъ... Только одно *непремѣнное условіе*: всякій желающій отправиться со мною долженъ знать, что онъ будетъ исполнителемъ того, что ему предложатъ дѣлать; личныхъ желаній и собираній коллекцій для себя или кого-либо другого не допускается. *Такой деспотизмъ*, по моему мнѣнію, необходимъ для успѣха дѣла“.

Николай Михайловичъ сознавалъ, что найти такого человѣка весьма трудно: спутникъ долженъ быть человѣкомъ хорошимъ и привязаннымъ всею душою какъ къ нему, такъ и къ общему дѣлу; онъ долженъ быть нравственною поддержкою во всѣ трудныя минуты экспедиціи, члены которой должны составлять одно нераздѣльное цѣлое и жить въ искренней братской дружбѣ. „Тогда бы, говорилъ Пржевальскій, всѣ труды и лишенія, всѣ неприятности отъ мѣстнаго населенія,—все это легче бы переносилось и менѣе бы чувствовалась отчужденность отъ родныхъ и цивилизованнаго міра.

„Надо втолковать, писалъ Николай Михайловичъ, желающему со мною путешествовать, что онъ ошибается, если будетъ смотрѣть на путешествіе, какъ на средство отличиться и попасть въ знаменитости. Напротивъ, ему придется столкнуться со всѣми трудностями и лишеніями, которыя явятся непрерывною чередою на цѣлыя годы, при этомъ его личная инициатива будетъ подавлена цѣлями экспедиціи; онъ долженъ будетъ превратиться въ безсловеснаго исполнителя и препаратора (по дѣланію чучель, собирателя топлива, караульнаго по ночамъ и проч.), долженъ начать съ того, чтобы сидѣть по цѣлымъ днямъ въ музеѣ, учиться дѣлать чучела, а затѣмъ идти на тысячу лишеній и опасностей. Человѣкъ бѣдный и при томъ страстный охотникъ былъ бы всего болѣе подходящимъ спутникомъ и скорѣе бы могъ понять, что путешествіе не легкая и пріятная прогулка, а долгій, непрерывный и тяжелый трудъ, предпринятый во имя великой цѣли. Желательно было бы, заключаетъ Николай Михайловичъ, чтобы юноша поѣхалъ по увлеченію, а не изъ-за денегъ“...

Многіе выражали желаніе быть спутниками Пржевальскаго, но

онъ былъ страшно разборчивъ и не скоро остановилъ свое вниманіе на одномъ счастливцѣ—Эклонѣ—сынѣ служащаго при музеѣ Академіи, юношѣ, недавно вышедшемъ изъ четвертаго класса гимназіи и занимавшемся при музейской лабораторіи. „Если я рѣшусь, говорилъ Пржевальскій, взять Эклона въ экспедицію, то привезу его на лѣто въ Отрадное обучить всему, что нужно“. Въ іюнѣ онъ ждалъ къ себѣ еще гостей изъ Варшавы, І. Л. Фатѣва и Ягунова, но вмѣсто ихъ пріѣзда онъ получилъ горестное извѣстіе, что, купаясь въ Вислѣ, Ягуновъ утонулъ восьмого іюня. Извѣстіе это сильно поразило Николая Михайловича.

— Меня постигло великое горе, говорилъ онъ; бывший со мною на Амурѣ спутникъ, предназначавшійся для слѣдующей экспедиціи, утонулъ. Въ немъ я лишился преданнаго друга и человѣка, незамѣнимаго въ путешествіи. Да, потеря его для меня слишкомъ тяжела и неминуемо отразится на самой экспедиціи. Юный и неопытный Эклонъ еще неизвѣстно какимъ окажется и во всякомъ случаѣ никогда не замѣнитъ Николая Яковлевича, а безъ надежнаго друга, въ трудномъ дѣлѣ путешествія, одному невозможно управиться.. Я до сихъ поръ еще не могу свыкнуться съ мыслью, что Ягуновъ уже не существуетъ. Все кажется, что вотъ-вотъ онъ пріѣдетъ къ намъ въ деревню,—такъ недавно еще былъ среди насъ, а теперь превратился въ ничто...

„Если Ягунову будутъ сооружать памятникъ, писалъ Пржевальскій І. Л. Фатѣву, то я прошу васъ внести отъ меня двадцать пять рублей, которые я возвращу вамъ съ благодарностью въ деревнѣ... Быть можетъ, на эту сумму можно прямо купить дубъ и посадить на могилѣ. Матери Ягунова я отправлю рисунки ея бѣднаго Коли, лишь только получу отъ нея письмо.

„Получилъ я отъ своихъ казаковъ изъ Кяхты письма, въ которыхъ они умоляютъ меня взять ихъ опять въ экспедицію. Хорошо, что есть хотя этихъ два надежныхъ человѣка, а то совсѣмъ бы дѣло было плохо. Да, откровенно говоря, оно и теперь находится не въ хорошихъ условіяхъ; посмотримъ, что будетъ далѣе“.

Оффиціальное осуществленіе экспедиціи подвигалось впередъ туго. Только особенно-сочувственные отзывы просвѣщенныхъ министровъ военнаго, Д. А. Милютина, и иностранныхъ дѣлъ, Н. К. Гирса, дали возможность совѣту географическаго общества просить Августѣйшаго предсѣдателя великаго князя Константина Николаевича исходатайствовать на экспедицію Пржевальскаго просимую имъ сумму изъ средствъ государственнаго казначейства. Препровождая при

рескриптъ къ статсъ-секретарю Рейтерну подробную записку совѣта общества и отвывы министровъ, Его Высочество просилъ исходатайствовать у Государя Императора о назначеніи 24.740 рублей и при этомъ выразилъ увѣренность, что экспедиція эта „принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учрежденіямъ, которыя примутъ на себя заботы объ ея осуществленіи“.

Спустя три дня, и именно 5 марта (1876 года), министръ финансовъ увѣдомилъ, что Государь Императоръ соизволилъ на отпускъ просимой суммы.

Между тѣмъ въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія Николай Михайловичъ усиленно трудился надъ скорѣйшимъ созданіемъ своей книги. Усиленно подыскивался также и второй сотрудникъ, каковымъ, въ концѣ концовъ, явился прапорщикъ Повало-Швуйковскій, ближайшій сосѣдъ Пржевальскаго по Отрадному. Молодой Швуйковскій чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Приглашеніе Николая Михайловича онъ получилъ въ одинъ день съ извѣстіемъ о своемъ производствѣ въ офицеры. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ Пржевальскому, что путешествіе съ нимъ было его всегдашней мечтой, которая теперь къ счастью исполнилась.

„Теперь, говорилъ Николай Михайловичъ, я одной ногой уже въ Тибетъ, и если эта экспедиція будетъ идти такъ же счастливо, какъ первая, то мнѣ будетъ принадлежать честь изслѣдованія всѣхъ самыхъ невѣдомыхъ странъ Центральной Азии. Поприще завидное, хотя и трудное. Надѣюсь, что мое счастье меня не оставитъ, и что черезъ три года я вернусь въ Отрадное здоровымъ и невредимымъ“.

Въ концѣ апрѣля Пржевальскій выѣхалъ изъ Отраднаго, а въ началѣ іюня, во главѣ экспедиціи, прибылъ въ Пермь, гдѣ принужденъ былъ остановиться на нѣсколько дней. „Прощайте, мои дорогіе, писалъ Николай Михайловичъ въ Отрадное, вѣрьте, что разлука съ вами составляетъ для меня самую тяжелую жертву, перенести которую у меня хватило воли лишь во имя великаго дѣла... Конечно, здоровья поубавится, да и сѣдыхъ волосъ прибудеть“.

„Въ Кульджѣ буду, вѣроятно, не ранѣе половины іюля и въ концѣ этого мѣсяца двинусь въ Тянь-Шань, прямо къ вулкану Пэшакъ, который стоитъ къ сѣверу отъ города Куча и составляетъ предметъ споровъ между геологами.“

„Дальнѣйшее движеніе будетъ конечно зависѣть отъ обстоятельствъ, но во всякомъ случаѣ я буду наблюдать пролетъ птицъ, т. е. проведу сентябрь на Лобъ-норѣ, а октябрь и ноябрь въ пустыняхъ къ юго-западу отъ Лобъ-нора. Въ декабрѣ вернусь въ

Кульджу или въ какой-либо другой пунктъ нашего Туркестана и повѣщу ученому міру, существуютъ ли дикіе верблюды или нѣтъ“.

Возня съ громаднымъ багажомъ, при скверной уральской дорогѣ, была страшная; экипажи ломались часто и за ихъ починку приходилось платить дорого.

За Ураломъ тотчасъ раскидывается Ишимская степь, а потомъ Барабинская. Первая имѣетъ луговой характеръ и превосходную черноземную почву, вторая, по мѣрѣ удаленія отъ Омска къ Семипалатинску, принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ Гоби.

„Жары стоятъ ужасныя, писалъ Пржевальскій, днемъ мы ѣдемъ обыкновенно раздѣтыми, даже безъ сапогъ и штановъ; въ каждой попутной рѣчкѣ купаемся. Мое здоровье отлично и быстро поправилось: головныя боли, кашель, катарръ горла—все прошло. Вотъ что значитъ приволье страннической жизни! Это не то, что сидѣть въ петербургскомъ климатѣ, въ конурѣ“...

Сборы и снаряженіе экспедиціи задержали Пржевальскаго въ Кульджѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Хлопотъ было множество: сортировка вещей, укладываніе ихъ въ походные ящики и сумы. Къ тому же не мало времени отняла просушка предметовъ, чуть было не утонувшихъ въ рѣчкѣ Хоргосѣ.

Охранный листъ для экспедиціи былъ присланъ также въ Кульджу, хотя китайское правительство выдало его не безъ затрудненій.

„Паспортъ изъ Пекина, писалъ Николай Михайловичъ, я получилъ на проходъ отъ Хами въ Тибетъ. Только китайцы отказались охранять экспедицію. Это-то и нужно, чтобы возлѣ насъ не было такой ....., каковы всѣ китайскіе солдаты“.

— Независимо отъ того, говорили (китайскіе) министры, что весь южный склонъ Тянь-Шаня занятъ инсургентами, должно имѣть въ виду, что населеніе странъ, черезъ которыя путешественникамъ придется пройти, состоитъ изъ полудикихъ тангутовъ, только номинально признающихъ власть Китая и на которыхъ здѣшнее правительство никакого вліянія не имѣетъ. Въ самомъ Тибетѣ власть правительства Богдыхана также очень ничтожна. По этимъ причинамъ китайское правительство не можетъ принять на себя обязанность охранять путешественниковъ, которые отправляются изъ Хами въ Тибетъ, а потому и выдача вида на этотъ предметъ возможна лишь въ томъ случаѣ, если сама экспедиція въ состояніи будетъ гарантировать свою безопасность.

Получивъ паспортъ съ такою оговоркою, Пржевальскій 12 августа, напутствуемый добрыми пожеланіями соотечественниковъ,

жившихъ въ Кульджѣ, оставилъ этотъ городъ и направился вверхъ по берегу рѣки Или.

— Илійская долина, говорилъ онъ,—это азіатская Ломбардія по своему климату и плодородію: отдавать такой уголокъ, право, не слѣдуетъ.

Населеніе долины было прежде очень густое, но во время возстанія таранчей разрѣжено уничтоженіемъ болѣе двухсотъ тысячъ китайцевъ: цѣлые города истреблены были до единого человѣка. Но несмотря на то, въ 1876 году долина все-таки была густо заселена таранчами, сартами, киргизами и калмыками. Плодородіе почвы удивительное, дешевизна невообразимая: фруктовъ (персиковъ, яблоковъ, грушъ, арбузовъ и дынь)—гибель. „Каждый день, писалъ Николай Михайловичъ Пыльцову, мы объѣдаемся до отвала по нѣскольку разъ. Есть персики величиною съ большое антоновское яблоко, но и жрутъ же мои казаки. Вѣришь ли, каждый день мы съѣдаемъ отъ 20 до 25 фунтовъ мяса, кромѣ другихъ приложеній“.

Движеніе экспедиціи по Или было пріятною прогулкою: красивыя и чистыя деревни съ садами, высокими тополями, почти сплошь слѣдовали одна за другою. Обширныя поля съ обильнымъ орошеніемъ, большія стада барановъ, рогатаго скота и табуны лошадей были очевидными свидѣтелями того, что населеніе живетъ зажиточно и въ полномъ довольствѣ.

Вскорѣ, затѣмъ, экспедиція вступила въ долину нижняго Кунгеса, въ лѣсахъ котораго нашла хорошую научную добычу, въ особенности по части животной жизни. Николаю Михайловичу посчастливилось убить большого темно-бураго медвѣдя, отличающагося отъ обыкновеннаго длинными бѣлыми когтями переднихъ ногъ. Въ сосѣднихъ горахъ начинало ощущаться приближеніе осени: перепадали небольшіе морозы, на высотахъ уже лежалъ снѣгъ и листья на деревьяхъ опали на половину.

Поднявшись вверхъ по Кунгесу и далѣе по рѣкѣ Цагма, экспедиція достигла обширной и высокой долины, извѣстной подъ именемъ Юлдуса, что значитъ звѣзда, отъ множества озерокъ, блестящихъ на солнцѣ въ видѣ звѣздъ, разсыпанныхъ по зеленымъ богатымъ пастбищамъ этой привольной страны.

— Мѣсто прекрасное, прохладное и кормное, говорили торгоуты Пржевальскому, рассказывая про Юлдусъ; только и жить господамъ да скотинѣ.

Вступленіе экспедиціи на Юлдусъ ознаменовалось крайне непріятнымъ событіемъ для Николая Михайловича. Онъ принужденъ былъ отправить въ Россію одного изъ своихъ спутниковъ, Повало-

Дун-фу-сянь

(выдающийся сановникъ Китая, бывший въ
опалѣ, въ изгнаніи).

Дун-фу-сянь

(выдающийся сановникъ Китая, бывший въ
опалѣ, въ изгнаніи).

Швѣйковскаго, и остаться, по-прежнему, съ однимъ лишь помощникомъ.

Познакомившись съ Юлдусомъ, Пржевальскій двинулся въ долину Хайду-гола и черезъ урочище Хара-мото и Карашаръ достигъ резиденціи Якубъ-бека Кашгарскаго. Еще по дорогѣ сюда, экспедиція уже была привѣтствована послами Бодуалета ¹⁾, который въ высшей степени интересовался путешественниками. Въ Курлѣ былъ отведенъ для нихъ особый домъ, внѣ города, и приставленъ карауль, подъ предлогомъ охраненія. „Въ сущности же для того, говоритъ Пржевальскій, чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека. Въ то же время и насъ не впускали въ городъ, говоря: вы наши гости дорогіе, вамъ не слѣдуетъ беспокоиться, все, что нужно, будетъ доставлено. Но столь сладкія рѣчи были на словахъ. Правда, намъ каждый день доставляли барана, хлѣбъ и фрукты, но этимъ и ограничивалось гостепримство. Все, что только насъ интересовало, что составляло прямую задачу нашихъ изслѣдованій, было для насъ закрыто. Мы не знали ни о чемъ далѣе воротъ нашего двора“.

На другой день по прибытіи въ Курля, къ экспедиціи былъ приставленъ одинъ изъ приближенныхъ Якубъ-бека, нѣкто Заманъ-бекъ, выходецъ изъ г. Нухи и бывшій русскій подданный. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми членами экспедиціи и сопровождалъ ихъ на Лобъ-норъ; мѣстному населенію запрещено было говорить съ русскими, и каждую недѣлю пріѣзжалъ къ Заманъ-беку гонецъ, съ которымъ онъ и отправлялъ свои донесенія.

Заманъ-бекъ высказалъ Пржевальскому, что Якубъ-ханъ имѣетъ свѣдѣніе о томъ, что русскіе не только поставляютъ хлѣбъ китайцамъ, дѣйствующимъ противъ дунганъ, но что, будто бы, въ рядахъ китайскихъ войскъ находится довольно много русскихъ офицеровъ. При этомъ бекъ объяснилъ, что Бодуалеть этимъ огорченъ, тѣмъ болѣе, что, съ своей стороны, онъ ни разу не былъ врагомъ русскихъ. Для разъясненія справедливости этихъ слуховъ, Заманъ просилъ написать письмо туркестанскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Кауфману, чтобы тотъ выяснилъ, на сколько справедливы эти слухи. При этомъ намекалъ, что въ случаѣ отказа написать такое письмо, Пржевальскій не будетъ пропущенъ на Лобъ-норъ. Зная, что письмо это будетъ прочтено, Николай Михайловичъ ограничился въ немъ только изложеніемъ своего разговора съ Заманомъ.

— Съ своей стороны, прибавлялъ Пржевальскій въ концѣ

¹⁾ Бодуалеть—счастливецъ, такъ называлъ народъ Якубъ-хана.

письма къ генераль-адъютанту Кауфману, я старался увѣрить Замань-бека, что слухъ о присутствіи въ китайскихъ войскахъ русскихъ офицеровъ чистѣйшій вздоръ и, что поставка хлѣба китайцамъ есть дѣло купцовъ, а не правительства. Тѣмъ не менѣе вышеприведенные слухи, какъ видно, весьма тревожатъ Якубъ-хана, который говоритъ, что англичане теперь будутъ смѣяться надъ нимъ за то, что онъ не вступилъ съ ними въ такія дружескія отношенія, какъ Афганскій ханъ; между тѣмъ, русскіе въ благодарность платятъ зломъ. При томъ, слухи о нашемъ будто бы участіи въ борьбѣ китайцевъ съ дунганями замѣтно отражаются на свободѣ моихъ научныхъ изслѣдованій. Рѣшаюсь просить ваше высокопревосходительство, если признаете возможнымъ, сообщить Якубъ-хану, что свѣдѣнія подобнаго рода не имѣютъ ни малѣйшей вѣроятности“.

Разубѣдить хана было трудно, но еще труднѣе было получить свободный пропускъ на югъ, къ берегамъ таинственнаго Лобъ-нора... Наконецъ, онъ былъ полученъ, и экспедиція радостно двинулась по бассейну Тарима. Въ попутномъ большомъ селеніи Ахтарма, окруженномъ лѣсами, изобилующими птицами и тростниками, въ которыхъ водятся тигры, Пржевальскій провелъ восемь дней, но ему не удалось убить ни одного тигра. Вообще охота на этого звѣря, кромѣ опасности, весьма трудна по чуткости тигра, и мѣстные жители для добыванія его шкуры употребляютъ отраву.

Дальнѣйшій путь экспедиціи направлялся внизъ по Тариму. Идти съ верблюдами было очень трудно, такъ какъ приходилось „пробираться то по лѣсу, или густымъ колючимъ кустарникамъ, то иногда по возвышенному тростнику, корни котораго, словно желѣзная щетка, израниваютъ до крови верблюжьи пятки“.—Прихожу къ убѣжденію, писалъ Пржевальскій Пыльцову, что идеальная экспедиція въ азіатскихъ пустыняхъ должна состоять только изъ шести человекъ: начальникъ, его помощникъ и четыре казака. Такъ и пойду въ Тибетъ.

Оставивъ въ селеніи Чархалыкъ большую часть багажа, трехъ казаковъ и Замань-бека, Николай Михайловичъ съ остальными спутниками отправился, на другой день Рождества, въ „Золотыя горы“ (Алтынъ-тагъ), на охоту за дикими верблюдами. Для укрытія отъ сильныхъ холодовъ имѣлась юрта; продовольственныхъ же запасовъ было взято на полтора мѣсяца.

Въ теченіе сорока дней экспедиція прошла вдоль сѣвернаго подножья Золотыхъ горъ около пятисотъ верстъ и встрѣтила только одного дикаго верблюда, убить котораго однако не удалось.—

„Вообще, говоритъ Николай Михайловичъ, описываемая экскурсія была весьма неудачна и при томъ исполнена различныхъ невзгодъ. На огромной абсолютной высотѣ, въ глубокую зиму, среди крайне бесплодной мѣстности мы терпѣли всего болѣе отъ безводія и морозовъ, доходившихъ до -20° Цельсія. Топлива было весьма мало, а при неудачныхъ охотахъ мы не могли добыть себѣ хорошаго мяса и принуждены были нѣсколько времени питаться зайцами. На мѣстахъ остановокъ рыхлая глинисто-соленая почва мигомъ разминалась въ пыль, которая толстымъ слоемъ ложилась вездѣ въ юртѣ. Сами мы не умывались по цѣлой недѣлѣ, были грязны до невозможности; наше платье было пропитано насквозь; бѣлье же отъ грязи приняло сѣровато-коричневый цвѣтъ“.

Отдохнувъ съ недѣлю у ключа Чаглыкъ, Пржевальскій рѣшилъ идти обратно на Лобъ-норъ, наблюдать весенній пролетъ птицъ. Лучшихъ охотниковъ-туземцевъ онъ отправилъ опять въ горы на поиски дикихъ верблюдовъ, назначивъ за шкуры самца и самки по сту рублей,—цѣну, въ пять разъ дороже той, за которую обыкновенно продавались шкуры этихъ животныхъ.

Какъ натуралистъ, Николай Михайловичъ приводитъ первыя очень интересныя сообщенія о дикомъ верблюдѣ.... „По увѣренію лобнорскихъ охотниковъ, пишетъ онъ, всѣ верблюды приходятъ, равно какъ и уходятъ, въ пески Кумъ-тагъ, совершенно недоступныя по своему безводію.... Лѣтомъ, въ сильныя жары, верблюды соблазняются прохладою высокихъ долинъ Алтынъ-тага и заходятъ сюда на высоту 11.000 футовъ; даже и болѣе, такъ какъ наши проводники сообщали намъ, что описываемое животное изрѣдка попадаетъ на высокомъ плато, по южной сторонѣ Алтынъ-тага. Не малою приманкою для верблюдовъ въ горахъ служатъ водопой на рѣдкихъ ключахъ, а также сравнительно бѣльшее, нежели въ пескахъ, обиліе бударганы и другихъ солончаковыхъ растений. Зимой дикіе верблюды держатся исключительно въ болѣе низкой и теплой пустынѣ; въ горы заходятъ лишь случайно.“

„Противоположно домашнему верблюду, у котораго трусость, глупость и апатія составляютъ преобладающія черты характера, дикій его собратъ отличается своею смѣтливостью и превосходно развитыми внѣшними чувствами. Зрѣніе у описываемаго животного чрезвычайно острое, слухъ весьма тонкій, а обоняніе развито до удивительнаго совершенства. Охотники увѣряли насъ, что по вѣтру верблюдъ можетъ почуять человѣка за нѣсколько верстъ, разглядить крадущагося охотника очень далеко, услышитъ малѣйшій шо-

рохъ шаговъ. Разъ замѣтивъ опасность, звѣрь тотчасъ же убѣгаетъ и уходитъ за нѣсколько десятковъ, иногда даже за сотни верстъ. Дѣйствительно, тотъ верблюдъ, въ котораго я стрѣлялъ, бѣжалъ безъ перерыва, какъ то можно было видѣть по слѣду, верстъ двадцать; вѣроятно еще и далѣе, но больше мы не стали слѣдить, такъ какъ звѣрь свернулъ ущельемъ въ сторону отъ нашего пути.

„Повидимому, такое неуклюжее животное, какъ верблюдъ, всего менѣе способно лазить по горамъ, но въ дѣйствительности выходитъ наоборотъ. Мы видали не одинъ десятокъ разъ верблюжьи слѣды и пометъ въ самыхъ тѣсныхъ ущельяхъ и на такихъ крутыхъ склонахъ, по которымъ очень трудно взобраться даже и охотнику. Здѣсь верблюжьи слѣды мѣшаются съ слѣдами куку-ямановъ и аркаровъ. До того странно подобное явленіе, что какъ-то не вѣрится собственнымъ глазамъ.

„Бѣгаетъ дикій верблюдъ очень быстро, почти всегда рысью. Впрочемъ въ этомъ случаѣ и домашній его собратъ, на большомъ разстояніи, обгонитъ хорошаго скакуна. На рану описываемый звѣрь весьма слабъ и часто сразу падаетъ отъ малокалиберной пули лобнорскихъ охотниковъ.

„Время течки у дикихъ верблюдовъ бываетъ зимою—съ половины января почти до конца февраля. Старые самцы собираютъ тогда по нѣсколько десятковъ самокъ и ревностно стерегутъ ихъ отъ сладостныхъ покушеній другихъ кавалеровъ—для чего, по словамъ охотниковъ, иногда загоняютъ весь свой гаремъ въ укромныя ущелья и не выпускаютъ оттуда до окончанія любовной поры. Въ этотъ же періодъ между самцами заводятся драки, которыя иногда оканчиваются смертію одного изъ бойцовъ. Старый самецъ, одолѣвъ болѣе слабаго молодого, зубами раздавливаетъ ему черепъ. Самка идетъ въ течку на третьемъ году и ходитъ беременною немного болѣе года; молодые, всегда одинъ, рождаются раннею весною, т. е. въ мартѣ. Дѣтеныши весьма любятъ своихъ матерей. Если самка убита, то молодой убѣгаетъ, но потомъ опять возвращается на это мѣсто. Пойманные съ молоду, дикіе верблюды легко ручьяются и исправно возятъ вьюкъ.

„Голосъ описываемое животное издаетъ очень рѣдко—глухой въ родѣ мычанія; такъ режутъ чаще самки, у которыхъ есть дѣти. Самцы же, даже въ періодъ течки, не режутъ, но отыскиваютъ самокъ чутьемъ по слѣду.

„Сколько лѣтъ живетъ дикій верблюдъ, намъ сказать не могли; иные достигаютъ глубокой старости. Нашему проводнику-охотнику однажды случилось убить самца съ совершенно стертими зубами; несмотря на это, животное было довольно жирно.

„Лобнорцы охотятся за дикими верблюдами лѣтомъ и осенью. Специально за описываемыми животными не ѣздятъ, а бьютъ ихъ, когда попадутся. Вообще эта охота считается самою трудною, и ею занимаются лишь три, четыре охотника на всемъ Лобъ-норѣ. Убиваютъ верблюдовъ всего чаще, подкарауливая на водопояхъ; рѣже—ищутъ по свѣжимъ слѣдамъ.

„Охотники, отправленные мною на поиски дикаго верблюда, вернулись на Лобъ-норъ только 10-го марта, но за то съ добычею. Въ окраинѣ Кумъ-тага они убили самца верблюда и самку; при томъ, совершенно неожиданно, приобрѣли молодого изъ утробы убитой матери. Этотъ молодой долженъ былъ родиться на слѣдующій день..... Черезъ нѣсколько дней я получилъ еще шкуру дикаго верблюда (самца), убитаго на нижнемъ Таримѣ.

„Нечего и говорить, на сколько я былъ радъ приобрѣсти наконецъ шкуры того животнаго, о которомъ сообщалъ еще Марко-Поло, но котораго до сихъ поръ не видалъ ни одинъ европеецъ...“

.... Весь февраль и двѣ трети марта 1877 года, экспедиція провела на берегу Лобъ-нора. Это собственно не озеро, а огромное тростниковое болото, на которомъ, періодически, собираются милліоны плавающихъ птицъ, въ особенности утокъ. Во время валового пролета, и днемъ и ночью, стая за стаей, тысячи за тысячами неслись пернатые странники возлѣ палатокъ нашихъ путешественниковъ. Охота на нихъ была болѣе чѣмъ удачна; били столько, что дѣвать было некуда, а раненыхъ не преслѣдовали и не подбирали, оставляя ихъ въ добычу крылатымъ хищникамъ.

Между тѣмъ Заманъ-бекъ по привычкѣ къ членамъ экспедиціи и предоставилъ имъ свободу, чѣмъ и воспользовался Николай Михайловичъ, чтобы поплавать въ лодкѣ по Лобъ-нору и изучить на сколько можно быть мѣстныхъ обитателей. „Это такіе дикари, писалъ онъ, какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ...“

.... „Бѣдный и слабый физически лобнорецъ или кара-курчинецъ бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой этотъ человекъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ—вотъ тѣ предметы, которыми только и надѣлила несчастнаго мачиха-природа. Понятно, что при такой обстановкѣ, при томъ безъ вліяній извнѣ, невозможно развитіе ни умственное, ни нравственное. Тѣсный кругъ понятій лобнорца не переходитъ за берега роднаго озера; остальной міръ для него не существуетъ. Вѣчная борьба съ нуждою,

голодомъ, холодомъ положила печать апатіи и угрюмости на характеръ несчастнаго; онъ никогда почти не смѣется. Умственные способности также не идутъ дальше того, сколько нужно, чтобы поймать рыбу или утку, да исполнить другія житейскія заботы. Иные даже считать не умѣютъ дальше сотни, быть можетъ, и того менѣе. Впрочемъ, нѣкоторые изъ лобнорцевъ, болѣе цивилизованные, достаточно хитры и плутоваты въ обыденныхъ случаяхъ жизни.

.... „Сидя въ сырой тростниковой загороди, среди полунагихъ обитателей одной изъ деревень Кара-курчина, я невольно думалъ: сколько вѣковъ прогресса отдѣляютъ меня отъ моихъ сосѣдей? И какъ велика сила человѣческаго генія, если изъ подобныхъ людей, каковыми, по всему вѣроятію, были наши далекіе предки, могли сдѣлаться нынѣшніе европейцы. Съ тупымъ удивленіемъ смотрѣли на меня лобнорскіе дикари, но не менѣе того интересовался и я ими. Было слишкомъ много манящаго и оригинальнаго во всей окружающей обстановкѣ, среди далекаго, невѣдомаго озера, въ кругу людей, живо напомнившихъ собою примитивный бытъ челоуѣчества...“

Сдѣлавъ затѣмъ астрономическое опредѣленіе главныхъ пунктовъ и съемку озера Лобъ-нора, Пржевальскій считалъ главную свою задачу посильно исполненной и направился въ обратный путь на городъ Курля.

Многіе сожалѣли, что Н. М. Пржевальскому не удалось пробраться въ Тибетъ прямо черезъ Лобъ-норъ. „Извѣстный нашъ миссіонеръ о. Палладій, писалъ Пржевальскому дипломатическій чиновникъ въ Пекинѣ, Кояндеръ, продолжаетъ предполагать, что, несмотря на отрицаніе мѣстныхъ жителей, возможность пройти этой дорогой существуетъ; такъ, вмѣсто обѣщанныхъ безводныхъ степей, тамъ должны быть (мѣстности), покрытыя травой и лѣсами. Единственная надежда убѣдиться въ этомъ была на васъ, такъ какъ кромѣ васъ никто не обладаетъ въ настоящее время достаточной энергіей, чтобы сдѣлать подобную попытку. Теперь онъ (Палладій) отложилъ всякую надежду на то, чтобы при нашемъ поколѣніи вопросъ этотъ былъ выясненъ. Китайцы продолжаютъ увѣрять, что и изъ Хами нѣтъ прямыхъ путей въ Тибетъ; но вѣроятно проходъ вашъ докажетъ имъ противное“.

Двадцать пятаго апрѣля наши путешественники прибыли въ Курля и на пятый день своего здѣсь пребыванія имѣли свиданіе съ Якубъ-ханомъ. Это былъ пожилой, маленькій, толстый господинъ, съ черною, съ просѣдью, бородою; онъ производилъ впечатлѣніе

человѣка, привыкшаго подавлять свои чувства и не показывать ихъ. „Хотя въ общемъ, писалъ Николай Михайловичъ, Якубъ-ханъ такая же ....., какъ и всѣ азіатскіе халатники. Кашгарское царство не стоитъ мѣднаго гроша“. Пржевальскій и его спутникъ были приняты на дворѣ. Послѣ поклоновъ и привѣтствій Якубъ-ханъ всталъ и подалъ руку. Разспросивъ о благополучіи пути, онъ заявилъ, что видѣлъ много европейцевъ, но что никто ему такъ не нравился, какъ они. — Вы отправляетесь въ Петербургъ, говорилъ онъ; смотрите же, не забывайте своего друга—пишите мнѣ.

Во время аудіенціи, продолжавшейся около часа, весь разговоръ вертѣлся на томъ, что онъ искренно и чистосердечно расположенъ къ русскимъ, хотя факты доказывали противное: какъ въ первый разъ, такъ и теперь путешественниковъ никуда не выпускали изъ квартиры, не дозволяя имъ ни съ кѣмъ видѣться и говорить. Самъ Николай Михайловичъ говоритъ: впечатлѣніе, мною вынесенное изъ путешествія во владѣніяхъ Якубъ-бека, самое тяжелое. Насъ вездѣ ненавидѣли, но наружно оказывали почетъ: подъ маскою вѣжливости много разъ проглядывало проклятiе и ненависть къ „кафирамъ“— такъ было съ перваго до послѣдняго дня. Всего лучше то, что при разставаніи съ меня попросили расписку въ томъ, что мы остались всѣмъ довольны. Расписка дана была въ самомъ общемъ смыслѣ: *„встрѣчали всякое содѣйствіе“*.

Несмотря, однако же, на строгій присмотръ, которымъ старались окружить экспедицію во владѣніяхъ Якубъ-хана, Н. М. Пржевальскому удалось собрать очень интересныя свѣдѣнія какъ о политическомъ положеніи Восточнаго Туркестана, такъ и о самой личности Бодуалета... „Человѣкъ, много на своемъ вѣку испытавшій, пишетъ Пржевальскій, Бодуалетъ вынесъ изъ житейской практики, прежде всего, недовѣріе къ людямъ вообще. Подозрительность—главная черта характера Якубъ-бека; рядомъ съ нею стоятъ жестокость и коварство. Для достиженія своихъ цѣлей Джитышарскій царь не остановится ни передъ какими жертвами. „Цѣль оправдываетъ средства“—вотъ девизъ внутреннихъ убѣжденій Бодуалета. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было заключить изъ многократныхъ рассказовъ нашего спутника Заманъ-бека, придававшего большое значеніе подобнымъ качествамъ Якубъ-бека. Отчасти, быть можетъ, это и примѣнимо въ дѣлѣ управленія азіатскихъ царствъ. Жертвы политическія иногда и въ Европѣ бываютъ жертвами искупленія. Но у Якубъ-бека жестокость черезъ край; смертныя казни въ его владѣніяхъ—явленіе самое обыденное... Пусть даже потоками крови

Бодуалетъ залететь поле своего владычества, лишь бы на этомъ полѣ взошли ростки будущаго преуспѣянiя государства. Но такихъ ростковъ нѣтъ вовсе. Кровавый терроръ въ нынѣшнемъ Джитышарѣ имѣетъ цѣлю одно лишь упроченiе власти самого царя—о народѣ нѣтъ заботы. На него смотрятъ какъ на рабскую массу, изъ которой можно выжимать лучшіе соки. При томъ же Бодуалетъ человекъ хотя съ сильною волею, но безъ всякаго образованiя, кажется даже безграмотный, едва-ли имѣетъ серьезное понятiе объ управленiи государствомъ, хотя бы въ духѣ мусульманскихъ правителей вообще. Мелочныя заботы дня поглощаютъ все вниманiе и время джитышарскаго владыки, о которомъ, къ сожалѣнiю, въ Европѣ сложилось слишкомъ высокое мнѣнiе. Въ сущности же кашгарскій царь не болѣе, какъ политическiй проходимецъ. Подобныя личности не рѣдкость въ Азiи. Временныя ихъ успѣхи на политическомъ поприщѣ свидѣтельствуютъ всего чаще не о мощныхъ талантахъ самихъ дѣятелей, а скорѣе о невѣжествѣ массы, которую они эксплуатируютъ. Времена безграмотныхъ генiевъ миновали. При удачѣ, разбойникъ можетъ нѣсколько лѣтъ властвовать надъ рабскимъ и невѣжественнымъ населенiемъ, но подобное царство, сплоченное случайно, безъ всякой внутренней жизни, неминуемо падетъ въ близкомъ будущемъ. Не даромъ и англичане такъ скоро охладѣли въ порывахъ своей дружбы къ кашгарскому царю. Практичныя англичане вѣроятно, разнюхали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и поспѣшили разсчитаться въ-время.

„Подъ стать самого Бодуалета, является и клика его сподручниковъ, большею частью бѣглыхъ проходимцевъ изъ Кокана, Ташкента, Бухары, даже изъ Индiи и Афганистана. Всѣ они извѣстны мѣстному населенiю подъ общимъ именемъ „анджановъ“, служатъ опорой власти Якубъ-бека, являются исполнителями его явныхъ и тайныхъ приказанiй. Главнѣйшія должности въ Джитышарѣ розданы этимъ анджанамъ, или ближайшимъ родственникамъ Бодуалета. Анджаны являются правителями городовъ, начальниками войска, сборщиками податей и составляютъ охранную стражу самого царя, нѣчто въ родѣ опричниковъ. Для мѣстнаго населенiя эти люди ненавистны, хуже китайцевъ. Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ Джитышарѣ очень плохо жить. Ни личность, ни имущество не обезпечены; шпионство развито до ужасающихъ размѣровъ; каждый боится за завтрашній день. Произволь господствуетъ во всѣхъ отрасляхъ управленiя; правды и суда не существуетъ. Анджаны грабятъ у жителей не только имущество, но даже женъ и дочерей. Подати увеличены до громадныхъ размѣровъ,—при томъ же собиратели ихъ не забываютъ и себя. Не только на Таримѣ, но даже въ г. Курля,

мѣстные жители въ разговорѣ съ нашимъ переводчикомъ и казаками, постоянно проклинали свое правительство и высказывали желаніе подчиниться Россіи. Слухъ объ умиротвореніи нами Кокана и Кульджи прошелъ далеко; дикій азіатецъ началъ понимать, что власть русская есть залогъ спокойствія и благоденствія. Не отъ излишняго патріотизма говорю я такимъ образомъ. Нѣтъ! Когда бывало бѣдные, обобранные калмыки и таримцы украдкою приходили къ намъ и со слезами на глазахъ рассказывали о своей злосчастной участи, завидуя въ то же время своимъ за-Тянь-шаньскимъ со братьямъ — тогда я вѣрилъ, что успѣхи русскаго оружія въ Азіи есть; не только успѣхи политическіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчески-гуманные.

„Штуцерная пуля и нарѣзная пушка приносятъ здѣсь тѣ зачатки цивилизаціи, которые инымъ путемъ, вѣроятно, еще долго не попали бы въ окаменѣлый строй средне-азіатскихъ ханствъ...“

„На всякое наше требованіе, заключаетъ Пржевальскій, Якубъ-бекъ неминуемо согласится. Въ районѣ моего путешествія, мнѣ кажется, слѣдуетъ теперь же перенести границу на хребетъ Даланъ-дабанъ для того, чтобы закрѣпить въ наше владѣніе оба Юлдуса съ ихъ превосходными пастбищами, на которыхъ могутъ свободно усѣться многія тысячи калмыковъ, во всякомъ случаѣ болѣе тяготящихся къ намъ, нежели къ фанатическимъ мусульманамъ“...

Вступивъ на Юлдусъ, экспедиція освободилась отъ опеки Якубъ-бека, отправила донесеніе въ Петербургъ и занялась дополнительнымъ изслѣдованіемъ страны и охотой за архарами... Однако, продолжительная напряженная дѣятельность давала себя чувствовать, къ тому же питаніе членовъ экспедиціи было отвратительное. „Питаемся, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, кромѣ мяса, дзамбою, крупною, какъ ячменная крупа. Право, у насъ лучшею посыпкою кормятъ свиней. Послѣ ѣды, черезъ часъ дзамба разбухаетъ въ желудкѣ и, зная это, мы ѣдимъ подобную прелесть не черезъ-чуръ“.

На Юлдусѣ же Николай Михайловичъ, получивъ отъ родныхъ извѣстіе о начавшейся войнѣ Россіи съ Турціей, просилъ о назначеніи его въ ряды арміи. „Сейчасъ, телеграфировалъ онъ начальнику главнаго штаба, узналъ о войнѣ. Считалъ бы себя счастливымъ, если бы получилъ дозволеніе отложить на время Тибетскую экспедицію и стать въ ряды дѣйствующей арміи. Если же это невозможно, то въ половинѣ августа пойду въ Тибетъ“. Военный министръ Д. А. Милютинъ считалъ болѣе полезнымъ, чтобы Пржевальскій

продолжалъ свое путешествіе, такъ какъ для военныхъ дѣйствій недостатка въ офицерахъ у насъ не было.

— Теперь, со спокойною совѣстью, говорилъ Николай Михайловичъ, могу уже продолжать свою экспедицію... Въ началѣ іюля онъ прибылъ въ Кульджу, гдѣ оставался до второй половины августа, писалъ отчетъ о своемъ путешествіи и разбиралъ привезенныя имъ коллекціи.

„Оглянувшись назадъ, говоритъ Пржевальскій, нельзя не сознаться, что счастье вновь послужило мнѣ удивительно. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что ни годомъ раньше, ни годомъ позже, изслѣдованіе Лобъ-нора не удалось бы. Ранѣе Якубъ-бекъ, еще не боявшійся китайцевъ и не заискивавшій вслѣдствіе того у русскихъ, едва-ли согласился бы пустить насъ далѣе Тянь-Шаня. Теперь же о подобномъ путешествіи нечего и думать при тѣхъ смутахъ, которыя послѣ недавней смерти Бодуалета начали волновать весь восточный Туркестанъ ¹⁾“...

— Въ Тибетскую экспедицію, писалъ онъ М. А. Пыльцову, беру кромѣ Чебаева и Ирнчинова еще трехъ забайкальскихъ казаковъ. Одинъ уже прибылъ, другіе еще ѣдутъ. Впрочемъ, если они не будутъ умѣть хорошо стрѣлять, то я отошлю ихъ обратно и возьму солдатъ. Эти всегда смѣлѣе и усерднѣе.

„На дняхъ, я пошлю мамашѣ триста рублей, слѣдуемыхъ за этотъ годъ. За 1876 годъ она получила отъ меня при отъѣздѣ въ экспедицію. На дняхъ же пошлю тебѣ полфунта сѣмянъ знаменитыхъ дынь изъ Хами—большія, вкусныя, могутъ сохраняться до конца зимы. Только условіе: никому не давай этихъ сѣмянъ—рѣдкость большая. Блюди садъ и ежегодно подбавляй къ нему понемногу. Выкопай въ саду прудъ: я жертвую на это дѣло сто рублей. За ледникомъ, гдѣ были дрова, непременно разсади малину, отличная тамъ будетъ... Это уже *моя послѣдняя экспедиція*. Вернусь, поселюсь въ Отрадномъ, и будемъ мы съ тобою жить припѣваючи“.

Конечно, Николай Михайловичъ писалъ въ такомъ духѣ исключительно для успокоенія нѣжно любимой имъ матери, которая, поздравляя сына съ производствомъ въ полковники, выражала надежду, что по возвращеніи изъ экспедиціи онъ будетъ генераломъ. „А генераламъ всѣмъ надобно сидѣть на мѣстѣ“, прибавляла она. „Вѣроятно, это твоя послѣдняя экспедиція... Не мучь ты себя и вмѣстѣ съ собой меня. Чего тебѣ не достаетъ? А то вспоминая о тебѣ, лишенія твои всѣхъ удобствъ жизни измучили меня, и я, право, состарѣлась за это время на десять лѣтъ, а еще два года не увижу тебя!“

¹⁾ Какъ извѣстно, Бодуалеть, происками китайцевъ, былъ отравленъ.

„Вотъ дядя твой, Павелъ Алексѣевичъ умеръ 26 декабря (1876 г.), недолго болѣлъ и хорошо его похоронилъ Михайлъ Александровичъ; конечно, послѣ всѣ эти похоронныя издержки принялъ на себя Владиміръ и отдалъ все Михайлу Александровичу. Послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ былъ совсѣмъ безъ памяти, никого не узнавалъ и хорошо сдѣлалъ, что, не дѣлая большихъ хлопотъ, умеръ покойно. А на похоронахъ всѣ были пьяны, было выпито всѣми проходящими поминать четыре ведра водки въ одинъ день, а что съѣдено пироговъ, клецокъ, лапши, кутьи, то нельзя и вообразить, чтобъ можно было уничтожить въ одинъ день“.

Тяжелой грустью омрачилось лицо Николая Михайловича при извѣстіи о кончинѣ дяди. Несмотря на пороки и слабости покойнаго, онъ горячо любилъ его и не проходило дня, чтобы, среди трудовъ и лишеній, онъ не вспоминалъ объ Отрадномъ и близкихъ ему родныхъ.

— Часто, очень часто, говорилъ онъ, я въ пустынѣ вспоминаю про родной очагъ, который дороже для меня всего на свѣтѣ.

При сборахъ въ путешествіе, Пржевальскому былъ дорогъ каждый день, въ особенности потому, что туда же въ Тибетъ, со стороны Индіи, направлялись и англичане, съ намѣреніемъ пробраться въ Лхасу. Теперь вопросъ былъ въ томъ, кто скорѣе достигнетъ столицы Тибета и кому будетъ принадлежать пальма первенства. Пржевальскому не хотѣлось уступить ее англичанамъ, и онъ торопился покинуть Кульджу...

Наконецъ, 28 августа караванъ экспедиціи выступилъ по направленію къ Гучену. По большой дорогѣ, ведущей черезъ города Шихо и Манасъ, были расположены китайскія войска и частію даже „чампаны“, т. е. ссыльно-каторжные, но чтобы избавиться отъ различныхъ непріятныхъ случайностей, Пржевальскій избралъ окольный путь, удлинивъ такимъ образомъ маршрутъ на двѣсти слишкомъ верстъ. Безводные переходы бывали иногда въ семьдесятъ и даже сто верстъ.

Послѣ многочисленныхъ трудностей, четвертаго ноября экспедиція прибыла въ Гученъ. О китайскомъ гостепріимствѣ нечего было и думать. Достаточно было кому-нибудь изъ членовъ экспедиціи попасть на глаза китайскимъ солдатамъ, чтобы тотчасъ подвергнуться оскорбительнымъ ругательствамъ. „Вообще китайскія войска, доносилъ Пржевальскій, сколько мы ихъ видѣли въ Гученѣ, весьма деморализованы, грабежи по дорогамъ—ихъ специальное занятіе“.

При такихъ условіяхъ оставаться въ Гученѣ было неудобно; къ тому же, страшный зудъ тѣла, которымъ страдало большинство участниковъ экспедиціи, въ томъ числѣ и самъ начальникъ, не проходилъ, наоборотъ усиливался все больше и больше. „По выходѣ изъ Кульджи, писалъ Николай Михайловичъ, я заболѣлъ вздорною, но нестерпимою болѣзнию: у меня сильный зудъ. Мы мазали табакомъ и дегтемъ—не помогаетъ; испытаю послѣднее средство—синій купоросъ. Два казака, бывшіе у меня проводниками изъ Кульджи, возвращаются въ Зайсанскій постъ. Пишу, чтобы прислали оттуда лекарство отъ зуда и газеты. Посланный догонитъ меня въ Хами, гдѣ будемъ въ половинѣ декабря (1877 г.)“.

Предположенія однако же не оправдались; болѣзнь не давала покоя ни днемъ, ни ночью. Ночи, обыкновенно, Николай Михайловичъ проводилъ на половину безъ сна и сильно измучился. „Несомнѣнно, писалъ онъ, мы гдѣ-нибудь заразились на Лобъ-норѣ, вѣрнѣе въ Кульджѣ отъ дурной воды; причиною также могли быть постоянно соленая въ воздухѣ, стоявшая пыль Лобъ-нора и верховая вѣзда. Промучившись почти три мѣсяца, я рѣшился вернуться изъ Гучена въ Зайсанъ (570 вѣрстъ), вылечиться здѣсь совсѣмъ и раннею весною (въ половинѣ февраля) идти съ новыми силами въ Тибетъ. Тяжело мнѣ было рѣшиться на возвратъ. Нѣсколько разъ я плакалъ при мысли о такой необходимости. Наконецъ, двадцать седьмого ноября, мы выступили изъ Гучена къ Зайсану тою же дорогою, которою шли изъ Кульджи. Вхвать верхомъ я не могъ и потому купилъ передокъ отъ русской телѣги, придѣлали на него ящикъ, гдѣ я и усѣлся.“

Легко представить себѣ, что такой экипажъ былъ не особенно удобенъ, и путешествіе для больного было невыносимо. На несчастье, зима стояла суровая: цѣлыми недѣлями, въ особенности по ночамъ, ртуть замерзала и не выходила изъ шарика.

— Во всѣхъ моихъ странствованіяхъ по Азіи, говорилъ Николай Михайловичъ, эта была первая неудача. Дай Богъ, чтобы она была и послѣдняя.

Въ Зайсанѣ, куда экспедиція вступила двадцатаго декабря, мѣстные врачи встрѣтили больныхъ съ большою предупредительностью. Частыя бани, примочки изъ свинцовой воды и разныя мази хотя и облегчили страданія, но на скорое выздоровленіе нельзя было надѣяться. „Облегченія пока еще мало, писалъ Николай Михайловичъ; впрочемъ, эта болѣзнь упорная. Надѣюсь, что къ половинѣ февраля, быть можетъ и скорѣе, пройдетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ меня здѣшніе врачи“.

.... „Зайсанъ пакость такая же, какъ Кульджа и вообще всѣ наши сибирскіе города. Какъ курьезъ скажу, что даже лекарство приносятъ мнѣ изъ лазарета, за неимѣніемъ пузырьковъ, въ водочныхъ бутылкахъ или полуштофахъ...

„Возвратясь изъ экспедиціи, болѣе не пойду въ Азію: пора и отдохнуть. Предстоящій путь въ Тибетъ вѣроятно уже будетъ послѣднимъ моимъ путешествіемъ въ Азію. Довольно потаскался среди этихъ ....., которыхъ называютъ монголами, китайцами и проч. Будемъ жить по-старому, тихо и спокойно. Не нужно мнѣ никакихъ почестей и богатствъ—дайте мнѣ только тихую жизнь въ Отрадномъ. Тамъ можно жить спокойно, а слѣдить за наукою и событіями также не трудно, выписывая журналы и газеты“.

Николай Михайловичъ просилъ Пыльцова приступить къ постройкѣ ему въ Отрадномъ особаго флигеля и послалъ подробный его планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его крайне беспокоило неполученіе писемъ отъ матери. „Я сильно беспокоюсь на счетъ такого молчанія, писалъ онъ, и на дняхъ послалъ телеграмму въ Смоленскъ. Не случилось ли что-нибудь съ мамашей? Для разъясненія я просилъ телеграфировать правду“. Въ отвѣтъ на это Пржевальскій получилъ 27 февраля телеграмму Ив. Дем. Толпыго такого содержанія: „Маменька была больна, теперь поправляется; писать не можетъ, цѣлуетъ васъ, здорова“.

Такое извѣстіе нѣсколько успокоило Николая Михайловича, хотя его чуткое сердце продолжало болѣть, томиться... „Въ Зайсанѣ мы живемъ почти уже два мѣсяца, писалъ онъ; жирокъ заправилъ я себѣ генеральный. Потолстѣлъ противъ того, какимъ пришелъ, на цѣлыхъ два дюйма, а можетъ быть и болѣе. Петербургскій сюртукъ едва впору. Конечно, такой жирокъ скоро начнетъ спадать, но его хватить, я думаю, до Цайдама или Хами“.

Съ половины марта Николай Михайловичъ сталъ готовиться къ экспедиціи въ Тибетъ. .... „Большая экспедиція, какова теперь наша, писалъ онъ, приноситъ очень много лишнихъ заботъ, совершенно чуждыхъ научнымъ изслѣдованіямъ; всего труднѣе подобрать хорошихъ казаковъ. Недавно я принужденъ былъ прогнать за постоянное пьянство и воровство прежняго своего слутника... Денегъ теперь много, но трудовъ, а главное неприятностей, вдесятеро больше, нежели было въ прошлую экспедицію. Изъ всѣхъ моихъ шести казаковъ только одинъ Ирнчиновъ хорошъ; остальные пьяницы и воры, которыхъ необходимо держать въ острасткѣ палкою.

— Трудно бываетъ подчасъ, говорилъ Николай Михайловичъ, трудно очень, тѣмъ болѣе, что не на кого опереться. Одному радуюсь, что прежняя энергія меня не покидаетъ, а съ нею успѣхъ дѣла много обезпеченъ.

Еще въ ноябрѣ 1876 года китайскіе министры сообщили нашему посланнику въ Пекинѣ Бюцову объ опасности, угрожающей экспедиціи, и совѣтовали уговорить Николая Михайловича не ходить въ Тибетъ. „Въ маѣ текущаго года, писали они, министерство, получивъ письмо вашего превосходительства, въ которомъ вы, заявляя о намѣреніи русскаго офицера Пржевальскаго съ товарищами предпринять путешествіе въ Тибетъ съ ученою цѣлью, просили министерство о выдачѣ означенному офицеру охраннаго листа. Въ отвѣтъ на него (министерство) тогда же заявило вашему превосходительству, что китайское правительство можетъ оказать содѣйствіе только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть китайскія власти, но что въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ таковыхъ, оно не можетъ принять на себя обязанности оказывать защиту. Затѣмъ министерство получило другое письмо вашего превосходительства, въ которомъ, между прочимъ, было замѣчено, что въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ китайскихъ властей, охранный листъ также будетъ бесполезенъ. Вслѣдствіе этого заявленія, министерство, согласно выраженному въ письмѣ желанію, выдало билетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщило о семъ въ Тибетъ и другія мѣста.

„Въ отвѣтъ на это правительственный комиссаръ въ Тибетѣ доноситъ министерству, что тибетскіе ламы представили ему адресъ, въ которомъ заявляютъ, что Тибетъ никогда не находился въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, что религія и обычаи Тибета не одинаковы съ таковыми же въ другихъ государствахъ и что поэтому они опасаются, чтобы не вышло какого-либо дѣла.

„Въ іюль мѣсяцѣ 1869 года одинъ французъ отправился было въ Тибетъ, но положительно былъ задержанъ (остановленъ). Въ настоящее время офицеръ почтеннаго государства Пржевальскій съ товарищами, хотя и снабженный билетомъ, отправляется въ путешествіе, но мы весьма опасаемся, что тибетскіе ламы, не имѣвшіе сношеній съ иностранцами и неизбѣжно мало слышавшіе о нихъ, отнесутся къ путешественникамъ съ подозрительностью, которая повлечетъ за собою множество неудобствъ. Въ данномъ случаѣ нами руководитъ чувство дружбы, и мы весьма беспокоимся за нихъ. Мы доводимъ сіе до свѣдѣнія вашего превосходительства для того, чтобы вы передали путешествующимъ офицерамъ наблюдать самую крайнюю осторожность. Если, дѣйствительно, встрѣтятся какія-либо неудобства, то чтобы они, зная объ угрожающей опасности, непременно возвратились бы. Это наше желаніе.“

Не считая нужнымъ скрывать своего мнѣнія, Бюцовъ писалъ китайскимъ министрамъ: „Въ письмѣ отъ восемнадцатаго числа сего мѣсяца почтенные сановники увѣдомили меня, что правительственный комиссаръ въ Тибетѣ, въ отвѣтъ на посланное ему министромъ извѣщеніе о предположенномъ путешествіи въ эту страну русскаго офицера Пржевальскаго съ товарищами, донесъ министерству, что тибетскіе ламы представили ему адресъ, въ которомъ заявляютъ, что Тибетъ никогда не находился въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, религія и обычаи которыхъ не одинаковы съ существующими въ Тибетѣ, и что поэтому они опасаются, чтобы не вышло какого дѣла. Вслѣдствіе этого заявленія вы желаете, почтенные сановники, чтобы названный офицеръ и его спутники наблюдали крайнюю осторожность, а въ случаѣ какой-либо опасности возвратились бы назадъ.

„Приношу вамъ, почтенные сановники, искреннюю благодарность за тѣ дружественныя чувства, которыя побудили васъ сдѣлать мнѣ вышеупомянутое сообщеніе, и за участіе, выказываемое вами къ нашимъ путешественникамъ: они будутъ поставлены въ извѣстность о содержаніи вашего сообщенія.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ позволю себѣ однако обратить вниманіе ваше на то, что комиссаръ вашъ въ Тибетѣ, принявъ адресъ самъ и донесши вамъ объ этомъ, не выполнилъ всѣхъ лежавшихъ на немъ обязанностей. Мнѣ кажется, что долгомъ его было тогда же объяснить ламамъ, что различіе въ религіи и обычаяхъ и отсутствіе сношеній съ другими странами не составляетъ еще причинъ, чтобы чуждаться иностранцевъ и опасаться какихъ-либо непріятныхъ дѣлъ съ ними. Онъ могъ бы объяснить ламамъ, что русскіе путешественники отправляются въ Тибетъ съ вѣдома китайскаго правительства и что, такъ какъ это служитъ вашимъ доказательствомъ того, что никакихъ недружелюбныхъ намѣреній они не имѣютъ, то ламы должны откинуть всякую подозрительность относительно ихъ.

„Такъ какъ комиссаромъ, повидимому, ничего подобнаго не было сдѣлано, чтобы разсѣять высказанныя ему ламами опасенія, то не признаете ли, почтенные сановники, умѣстнымъ послать ему надлежащія въ этомъ смыслѣ предписанія.

„При этомъ я покорнѣйше просилъ бы васъ поставить въ извѣстность о томъ, что подполковникъ Пржевальскій уже путешествовалъ въ Монголіи, Куку-Норѣ и Цайдамѣ, и что въ этихъ странахъ онъ испытывалъ самое радушное гостепріимство въ ламайскихъ монастыряхъ, обитатели которыхъ никогда не относились къ нему съ подозрительностью, и которымъ съ своей стороны онъ не подалъ повода къ неудовольствіямъ, умѣя уважать и религію, и

обычай ихъ. Нѣтъ основанія опасаться того, чтобы онъ не сумѣлъ поставить себя также хорошо въ отношеніи къ ламамъ въ южномъ Тибетѣ. Къ этому слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить и то, что въ Лхасу проникали иностранцы, хотя, правда, очень рѣдко, и что изъ разсказовъ ихъ о Тибетѣ не видно, чтобы духовенство и народъ выказали недружелюбныя къ нимъ чувства“.

Принимая все это къ свѣдѣнію, Пржевальскій, тѣмъ не менѣе продолжалъ усиленно готовиться къ предстоящей экспедиціи и, еще не вполне поправившись здоровьемъ, рѣшился двинуться въ путь. „Усладь въ экспедицію мы набрали много, писалъ онъ Пыльцову. Для Тибета есть особый завѣтный ящикъ, куда положены и твои конфеты. Сейчасъ Иринчиновъ купилъ на рынкѣ и привезъ девять пудовъ баранины. Вотъ какіе мы теперь беремъ запасы: охоту десять человекъ нельзя прокормить. Ружья наши всѣ вымыты, вычищены, заряды и патроны изготовлены; словомъ, собрались совсѣмъ“.

Наступила весна; появились прилетныя птицы. Весенній воздухъ дѣйствовалъ бодрящимъ образомъ; всѣ чувствовали повышенную энергію и стремленіе въ даль...

„Завтра, наконецъ, мы выступаемъ—говорилъ Пржевальскій,—изъ Зайсанскаго поста. Избавляемся отъ тюрьмы, въ которой сидѣли три мѣсяца. Радость неописанная“... Но она была неполная. Какое-то тайное предчувствіе мучило Николая Михайловича... „О мамашѣ сильно беспокоюсь, — писалъ онъ,—выздорѣветъ ли она?“—Телеграмма брата Владиміра отъ 20 марта раскрыла передъ нимъ горькую истину: „Восемнадцатаго іюня прошлаго года мамаша скончалась“. Извѣстіе это какъ громомъ поразило Николая Михайловича...

„Глубоко-тяжелую вѣсть, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, получилъ я сегодня телеграммою отъ брата, изъ Москвы: 18 іюня прошлаго года, моя мамаша скончалась. Полугодомъ раньше ея умеръ мой дядя. Невознаградимы мнѣ эти утраты, понесенныя въ такой короткій срокъ. Если бы я не возвращался изъ Гучена въ Зайсанъ, то о смерти матери не зналъ бы до окончанія путешествія. Быть можетъ это было бы къ лучшему...“

„Теперь же къ ряду всѣхъ невзгодъ прибавилось еще горе великое. Я любилъ свою мать всею душою. Съ ея именемъ для меня соединены отрадныя воспоминанія дѣтства и отрочества, беззаботно проведенныхъ въ деревнѣ. И сколько разъ я возвращался въ свое родимое гнѣздо изъ долгихъ отлучекъ иногда на край свѣта. И всегда меня встрѣчали ласка и привѣтъ. Забывались

пережитыя невзгоды, на душѣ становилось покойно и радостно; я словно опять становился ребенкомъ. Эти минуты для меня всегда были лучшею наградою за понесенные труды...

„Буря жизни, жажда дѣятельности и завѣтное стремленіе къ изслѣдованію невѣдомыхъ странъ внутренней Азіи снова оторвали меня отъ родного крова. Бросалось многое, даже очень многое, но самую тяжелою минутою всегда было для меня разставанье съ матерью. Ея слезы и послѣдній поцѣлуй еще долго жгли мое сердце. Не одинъ разъ, среди дикой пустыни или дремучихъ лѣсовъ, моему воображенію рисовался дорогой образъ и заставлялъ уноситься невольно къ родному очагу...

„Женщина отъ природы умная и съ сильнымъ характеромъ моя мать вывела всѣхъ насъ на прочный путь жизни. Ея совѣты не покидали меня даже и въ зрѣломъ возрастѣ. Правда, воспитаніе наше было не много спартанскимъ, но оно закалило силы и сдѣлало характеръ самостоятельнымъ. Да будетъ же миръ праху твоему, моя дорогая мамаша“...

Печаль эта нѣсколько ослабилась возможностью скоро побывать въ Смоленскѣ и поклониться праху дорогого существа: Пржевальскій получилъ предписаніе не ходить въ Китай и возвратиться въ Петербургъ... „Не знаю—писалъ онъ,—къ худшему ли это случилось или къ лучшему? Мнѣ кажется, послѣднее вѣроятнѣе. Не говоря уже про то, что китайцы, при настоящемъ своемъ положеніи къ русскимъ, легко могли надѣлать намъ всякихъ неприятностей и не пустить далѣе Гучена,—мое здоровье, не вполне еще окрѣпшее въ Зайсанѣ, снова ухудшилось, лишь только пришлось жить на морозахъ въ юртѣ, лазить во время экскурсій по горамъ или болотамъ—словомъ, подвергать себя всѣмъ тѣмъ невздамъ, которыя неминуемо сопряжены съ путешествіемъ въ дикихъ странахъ Азіи. Между тѣмъ физическая крѣпость составляетъ одно изъ главныхъ условій для успѣха дѣла. Необходимо вылечиться хорошенько и тогда со свѣжими силами и новымъ счастьемъ продолжать начатое дѣло.

„Оставивъ верблюдовъ и все снаряженіе экспедиціи въ посту Зайсанскомъ, я отправлюсь въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы будущею зимою, въ январѣ или февралѣ 1879 года, снова двинуться въ путь, если, конечно, тому не помѣшаютъ разныя тучи, которыя нынѣ облегаютъ политическій горизонтъ. Здоровье же мое, я думаю, восстановится при условіяхъ леченія лучшихъ, нежели они были въ посту Зайсанскомъ“.

31-го марта (1878 г.) Николай Михайловичъ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: ...„Сегодня исполнилось мнѣ 39 лѣтъ и день этотъ ознаменованъ для меня окончаніемъ экспедиціи, далеко не столь триумфальнымъ, какъ мое прошлое путешествіе по Монголіи. Теперь дѣло сдѣлано лишь на половину: Лобъ-норъ изслѣдованъ, но Тибетъ остается еще не тронутымъ. Въ четвертый разъ я не могу попасть туда: первый разъ вернулся съ Голубой рѣки; второй—съ Лобъ-нора, третій—изъ Гучена и, наконецъ, четвертый разъ экспедиція остановилась въ самомъ началѣ. Я не унываю! Если только мое здоровье поправится, то весной будущаго года снова двинусь въ путь. Хотя остановка экспедиціи совершилась не по моей винѣ и при томъ я сознаю, что это самое лучшее при настоящемъ состояніи моего здоровья—все-таки мнѣ крайне тяжело и грустно ворочаться назадъ. Цѣлый день вчера я былъ самъ не свой и много разъ плакалъ. Даже возвращеніе въ Отрадное теперь мало радуетъ.

„Правда, жизнь путешественника несетъ съ собою много различныхъ невзгодъ, но за то она даетъ и много счастливыхъ минутъ, которыя не забываются никогда. Абсолютная свобода и дѣло по душѣ—вотъ въ чемъ именно вся заманчивость странствованій. Не даромъ же путешественники никогда не забываютъ своей труженнической поры, даже среди самыхъ лучшихъ условій цивилизованной жизни“.

„Прощай же моя счастливая жизнь, но прощай не надолго. Пройдетъ годъ, уладятся недоразумѣнія съ Китаемъ, поправится мое здоровье—и тогда я снова возьму странническій посохъ и снова направлюсь въ азіатскія пустыни“...

П. Козловъ.

